

I. Материалы региональной научной конференции (в формате «круглого стола») «Символика Власти и Власть Символа»

Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

СИМВОЛИКА ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ СИМВОЛА

ПРОГРАММА
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В ФОРМАТЕ «КРУГЛОГО СТОЛА»

Екатеринбург, 14 мая 2013 г. в 17.00

Вопросы для обсуждения:

1. Дискурсы Власти: концептуально-теоретическое моделирование.
2. Политическая символика и политический ритуал в историческом контексте.
3. Новая жизнь старых символов: конструирование исторической традиции.
4. Идентичность: национальная, культурная, политическая...
5. Историческая память и историческая политика.

Организационный комитет:

Клименко Иван Михайлович, кандидат педагогических наук, профессор, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Шистеров Максим Валерьевич кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алена Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Баранов Николай Николаевич, д-р ист. наук, зав. каф. новой и новейшей истории УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Емельянов Александр Вячеславович, председатель ЕВИК «Горный щит»;

Клименко Иван Михайлович, канд. пед. наук, профессор, декан исторического ф-та УрГПУ;

Кручинин Александр Михайлович, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член ЕВИК «Горный щит»;

Ляпин Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент каф. истории России УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Мосин Алексей Геннадьевич, д-р ист. наук, профессор каф. истории России УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Смирнов Сергей Викторович, канд. ист. наук, доцент каф. новой и новейшей истории УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;

Орлова Александра Алексеевна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Островкин Денис Леопольдович, студент 4-го курса исторического ф-та УрГПУ, председатель Студенческого научного общества УрГПУ;

Постникова Алена Александровна, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Пруцакова Валентина Сергеевна, студент 5-го курса исторического ф-та УрГПУ;

Шестакова Надежда Федоровна, студент 5-го курса исторического ф-та УрГПУ;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, ст. преподаватель каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шмелева Евгения Владимировна, аспирант Института Истории и археологии УрО РАН;

Шумкина Татьяна Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ.

Стенограмма «круглого стола» конференции (печатается с сокращениями)

В. Н. Земцов: Уважаемые коллеги, дамы и господа, давайте будем начинать...

Наша сегодняшняя тема, на первый взгляд, несколько странна. Почему? Потому что мы, как историки, привыкли к чему-то более или менее определенному, ясному. Но с другой стороны, обойти ее мы, конечно, совершенно не могли. Тема «круглого стола» – символы, роль символов во властных структурах, а также то, как Власть определяет Символы, каким образом она насаждает, модифицирует их, и как, наоборот, Символы влияют на Власть.

Я надеялся, что в сегодняшнем «круглом столе» примут участие не только историки, но и политологи, лингвисты (особенно те, которые занимаются политической лингвистикой). [...] Но, в силу разных обстоятельств, никто из коллег не смог откликнуться на наше предложение.

Начать мне хотелось бы вот с чего: я помню, где-то в середине 1990-х гг., когда начали чеканить новые российские монеты, было совершенно непонятно, что происходит с нашей символикой, т. е. какой у нас флаг? какой гимн? какой герб? С флагом вроде быстренько решили – бело-сине-красный (триколор). В этом флаге угадывалось что-то демократическое. Еще позже выяснилось, что он никогда официальным флагом Российской империи не был.

Затем стали рассуждать о том, каким должен быть герб. Вроде бы тоже нужно было возвращаться к истокам. Каким истокам? Двуглавый орел! Но какой двуглавый орел? Со скипетром и державой? Но мы же теперь демократы! Каким образом мы можем сейчас вернуться в свое имперское прошлое? И тогда решили взять орла то ли эпохи Временного правительства, [...] то ли эпохи Ивана III (которого до сих пор чеканят на монетах). Я еще тогда подумал, что Россия и есть Московское государство (как раз эпоха Ивана III), что, волей неволей, как бы сами собой, нам эти символы подсказывают кто мы такие, откуда мы произошли: мы не из Киевской Руси, как мне представляется, а из Московского государства...

Н. Н. Баранов: В эпоху Ивана III, олицетворенную этой птицей без символов власти, и начался модерн, в котором мы до сих пор пребываем. [...]

В. Н. Земцов: Да, у нас все еще [на монетах] двуглавый орел без скипетра и державы... И второе, что меня удивляет,

даже мучает – это гимн! И люди моего поколения, и более старшего, когда слышат эту мелодию, этот перелицованный гимн, волей неволей, начинают пытаться петь «Союз нерушимый республик свободных» и так дальше... Все эти символы из нас вылезают как бы сами собой...

Возникает вопрос: вот эта каша с современной символикой в нынешней России – это что такое? Она является, наверное, отражением какой-то болезненной потребности найти свои корни, с одной стороны, с другой стороны, разрывом этой преемственности, который произошел в XX в., т. е. судорожные попытки соединить то, что было относительно недавно, и то, что было очень давно и уже полузабыто. Причем это все неумело делается, на мой взгляд. И наконец, это, наверное, является отражением такого же кашеобразного состояния нашего современного общества и растряпанности власти, не понимающей что делать. Ведь символика во многом определяет жизнь общества, указывает путь, и как мы не можем родить национальную идею, также и в отношении общих символов...

В. А. Ляпин: Я думаю, что начинать нужно не с отсутствия единых символов, а с причин такого отсутствия. Причина кроется в том, что историческое развитие России шло путем, не способствовавшем формированию единой нации. Поэтому у нас до сих пор нет национального лидера (и, видимо, никогда не будет), поэтому у нас нет общенациональной идеи (и тоже никогда не будет), нет и общенациональной символики (и, думается, тоже никогда не будет), потому что цели различных групп общества всегда были различны... Так исторически сложилось. [...]

А какая у нас может быть символика? У нас прошлое [одно] – «третий Рим» и затем Империя, поэтому и символы «третьего Рима», т. е. византийский двуглавый орел. У нас никакого другого символа нет. Хотя интересно, что в эпоху Смуты, когда двуглавый орел себя здорово скомпрометировал – он был на знаменах всех самозванцев, временное правительство (Совет всей земли с Мининым и Пожарским) на знаменах второго ополчения рисовало новый символ – двух львов, сидящих мордами друг к другу. Но этот символ не прижился... Поэтому нет ничего другого. Что касается гимна, то это, конечно, совершенно определенная уступка В. В. Путина некоторым силам, сделанная под предлогом того, что к прекрасному гимну М. И. Глинки – Патриотической песне, никто не смог написать слов. А почему никто не смог написать слов? Потому что как

написать, если это никого не устроит? ... Самые лучшие слова обязательно кого-то не устроят.

В. Н. Земцов: А разве Патриотическая песня Глинки когда-то была гимном?

В. А. Ляпин: Нет, она была проектом гимна, но победил проект А. Ф. Львова («Боже, Царя храни!»). А проект Глинки так проектом и остался (другими словами, нужно только написать текст и прекрасный гимн готов!). Прекрасный гимн, но никто слова не написал, и не потому, что никто не взялся написать, а потому, что сказать было нечего! Гимн – это общенациональная молитва! А за кого молиться? Потому у нас никогда не будет...

А. Г. Мосин: А сейчас за кого молимся?

В. А. Ляпин: Каждый за кого-то своего молится...

А. Г. Мосин: «Россия – священная наша держава...»

В. А. Ляпин: В основном, конечно, молимся на «копеечку». Сейчас только это – Бог и цель жизни. Так что вот с этого я бы хотел начать...

В. Н. Земцов: У Алексея Геннадьевича, наверно, другой взгляд на эти вещи?

А. Г. Мосин: С нашей символикой все гораздо сложнее, чем нам иногда представляется. Вот, возьмем тот же самый триколор. Владимир Николаевич сказал, что вроде бы он никогда не был государственным флагом. На самом деле, был – в 1883 г. император Александр III утвердил его в качестве национального флага, каковым он фактически оставался до 1917–1918 гг. [Временное правительство использовало его в качестве флага Российской республики.] Тридцать пять лет – срок исторически небольшой, но...

В. А. Ляпин: Между прочим, русским людям вообще не свойственен пиетет перед символами. Русский человек никогда не будет слепо поднимать государственный флаг у своего дома, потому что собственного дома у него, в большинстве случаев, нет. И потом, многие наши сограждане просто не знают как правильно повесить этот триколор (в какой последовательности должны быть расположены «полоски»). Кстати, замечательно, что у русских всегда был пиетет перед военными знаменами: крестьяне снимали шапки и крестились всегда, когда проносили военные знамена. А национальный флаг? У нас и гимна-то до 1939 г. не было официально... Ну, не нужно это русским, вся эта символика.

В. Н. Земцов: У меня вопрос к Алексею Геннадьевичу: существует расхожее мнение, что русский триколор возник на

основе голландского флага в конце XVII в. Или это не так, это легенда?

А. Г. Мосин: Действительно, есть такая версия. Дело в том, что этот флаг – триколор, был изначально торговым флагом... Под ним торговые суда ходили [...]

В. А. Ляпин: Это флаг московского царя (причем, не с Петра I, а с Алексея Михайловича). Он был не бело-синекрасный, а бело-лазорево-красный (лазоревый – это голубой цвет), и символизировал три части России – Великую, Белую и Малую Русь.

А. Г. Мосин: У нас и сейчас официально так: белый, лазоревый и алый.

В. А. Ляпин: Да, белый, лазоревый и алый. Совершенно верно. Три части Руси.

А. Г. Мосин: Но я хотел бы перейти к орлу. Владимир Александрович сказал, что это вроде бы наследие Византии... У меня есть очень серьезные сомнения на счет византийского происхождения нашего орла. Я хочу напомнить, когда орел появляется. Он появляется в 80-е гг. XV в., сразу же после того, как Россия перестает выплачивать дань Орде, т. е. маркирует разрыв даннических отношений. Известно, что ордынского хана на Руси принимали как царя. (Возьмите памятники древнерусской литературы XIII–XIV вв., где царь – это ордынский хан.) [...] И после того, как этот договор, в свое время возникший и оформивший отношения Руси с Ордой, был разорван, вот с этого времени и появляется идея своего царя...

Я стал об этом задумываться, когда обнаружил двуглавого орла на ордынских монетах середины XIV в. Причем там изображен «тот самый» двуглавый орел (как реалистическое изображение) – с распростертыми крыльями, с лапами и с хвостом. И еще более распространенное изображение двуглавого орла бытовало в Орде при хане Джанибеке (он довольно долго находился на ханском престоле) – это стилизованное изображение орла, очень красивое... У меня в личной коллекции десятка четыре, наверное, этих монет есть и они все удивительно красивые. Именно двуглавый орел! И я думаю, что когда эта идея царской власти стала осуществима при Иване III – может быть, как некий символ преемственности царской власти – и был заимствован двуглавый орел, причем от Орды, а не от Византии.

А с Византией просто... Почему мы киваем на Византию? Потому что там тоже был двуглавый орел и более того, подобный орел был также символом Священной Римской империи, а потом, к слову, Австрийской империи... И все эти орлы одного

происхождения: они восходят к символике Римской империи. [...]

В. Н. Земцов: Алексей Геннадьевич, а то, что это именно двуглавый орел? Ведь есть разные варианты объяснения. Ваша версия – почему он двуглавый?

А. Г. Мосин: Я в таких случаях обычно своим студентам отвечаю: «Не знаю!» Хотя есть, конечно, некоторые соображения... Вероятно, это сочетание Европы и Азии: одна голова смотрит на Запад, а другая на Восток. Между прочим, то же самое было и в Византии, когда Константин Великий основал новую столицу на востоке империи. Ведь что такое Константинополь? Это город, где встречаются Европа и Азия, мир Запада и мир Востока...

В. А. Ляпин: А у Джанибска тогда почему?

А. Г. Мосин: Ну, двуглавый орел встречается в том числе и в символике различных восточных государств. [...]

Но для нас важно не то, как было везде, а как было в Орде, потому что у нас, конечно, преемственность прослеживается именно от Орды. Мы были частью этой системы, этого царства. Потом система распалась и мы стали ее наследниками. Другое дело, что официально Москва – «третий Рим»... Но эта идеология была все же больше с церковью связана. Орда, как известно, не была христианским государством, хотя там была спархия...

В. Н. Земцов: Невольно складывается впечатление, что есть некий набор символов, характерный для многих народов. Как тут не вспомнить свастику? Как не вспомнить «римское приветствие»? Но в одно время символ подвергается дискриминации и дискредитации, а затем снова каким-то причудливым образом возрождается, заимствуется одним народом у другого народа. Вообще нечто поразительное, если подумать...

В. А. Ляпин: Ну, некоторые символы чисто идеологические, как например, уже упомянутая свастика, совершенно к Германии никакого отношения не имевшая...

У нас в этом качестве был «Серп и Молот». На мой взгляд, кстати, очень удачная эмблема, очень выразительная. Но я все никак не мог понять, еще когда в школе учился, откуда [другой символ] красная звезда? Мне никто не мог этого объяснить! Вроде бы говорили, что это единство интересов трудящихся пяти континентов, но это как-то явно «притянута за уши». Впоследствии, я обратил внимание, что на ранних советских фотографиях, когда еще не было униформы красноармейской, а была только красная звезда на головных уборах, она

располагалась не так, как мы привыкли, а двумя концами вверх («перевернута»)!. Автором этой идеи был, как оказалось, Л. Д. Троцкий, который заимствовал эту эмблему у иудеев (восстание Бар-Кохбы. «сына звезды»). Тогда, во время антиримского восстания, эмблемой повстанцев в Палестине была именно красная звезда и именно таким образом повернутая...

А. М. Кручинин: Владимир Александрович, не надо забывать, что звезда – символ восточный. Возьмите, например, японские вооруженные силы, где солдаты и офицеры, как и красноармейцы, носят на околыше своих головных уборов «звездочку» (только она желтого, золотого цвета, не красного). То есть я хочу сказать, что это не единственный пример использования звезды в символике государства.

[...]

А. Г. Мосин: В самом деле, пятиконечная звезда – это древний восточный символ, встречающийся в самых разных странах с глубокой древности. Потом, давайте вспомним, когда образовалось новое государство на американском континенте – Соединенные Штаты Америки, то звезда вошла в качестве элемента в американский флаг. Дальше, в символике латиноамериканских стран звезда также встречается. Больше того, я вам скажу, что если мы внимательно посмотрим монеты той же Золотой Орды XIV в., то и там мы увидим пятиконечную звезду (иногда просто пятиконечная звезда, иногда она вписана в окружность).

[...]

В. Н. Земцов: Между прочим, нынешние европейские деньги, которые чеканят и те, которые печатают на бумаге, содержат новый символ – это Европа!

Н. Н. Баранов: Я прошу прощения, но монеты, которые чеканятся в Афинах, на реверсе также имеют изображение Европы.

В. Н. Земцов: Да, там [Зевс], который похищает Европу.

Получается, что сейчас европейцы тоже судорожно ищут нечто такое, что бы их всех символически объединило. Их решение мне показалось очень оригинальным, очень разумным: на монетах чеканят символы тех стран, которые входят в ЕС, а что касается банкнот, то на банкнотах появился некий общеевропейский знак, общеевропейский символ, причем совершенно невозможно сказать, к какой стране это относится (раньше акведуки были, теперь вот Европу придумали).

Ну что ж, интересно, сохранится вся эта символика вместе с единой Европой или опять все закончится...

М. В. Шнстеров: Эта новая символика востребована, потому что от старой имперской символики европейцы в настоящее время отказываются и, совершенно очевидно, что происходит дискредитация вообще имперскости, которая наиболее явно прослеживается в современном социально-политическом и кино-медийном дискурсе при изображении древнего Рима. Так, например, за последнее десятилетие вышло немало кино- и телепродуктов о древнем Риме, где именно эта идея акцентируется. Вообще, можно, наверное, говорить, что сейчас в европейском дискурсе древний Рим вновь становится знаком, причем окрашенным достаточно деструктивно. Достаточно вспомнить такие фильмы последнего времени, как «Центурион» и «Орел девятого легиона», или телепродукты, вроде сериала «Рим» и сериала «Спартак», который совсем недавно закончился. Кроме того, не так давно я обратил внимание на одну любопытную вещь – это очень популярные сегодня во всем мире японские анимационные фильмы (аниме), где все чаще используются европейские сюжеты: об Александре Македонском, например, или о бессмертном шотландце из клана Маклаудов. Причем самое оригинальное то, что герои представлены совершенно в японской эстетике, но сюжет взят европейский. И тот же Горец... Показательно, что его главный враг – это Марк Октавий, римлянин! По сути дела, зрителю предлагается не борьба двух людей, а борьба двух идей, двух символов. Один – это символ благородного дикаря, а другой, соответственно, символизирует образ рафинированной цивилизации, причем цивилизации имперского типа, и конечно, в конце фильма эта цивилизация терпит поражение. Правда остается непонятным, какова альтернатива? Альтернативы никто не предлагает, предлагается только разрушить Империю...

А. Г. Мосин: До основания.

М. В. Шнстеров: Да, до основания. Там в конце фильма все как раз заканчивается разрушенной башней. Башня – тоже символ империи. Тут важно разрушить (под ликующие крики толпы), но непонятно, что в итоге останется... Поэтому, мне представляется, что проблема Европы сейчас заключается в поиске новых символов, потому что необходимо чем-то заменить эту прежнюю идентификацию...

Н. Н. Баранов: Я бы хотел продолжить эту тему (правда, мы уходим от нашей национальной государственной проблематики, но мы все равно живем в одной коммунальной квартире)...

Недавно мне довелось рецензировать один замечательный трехтомник, который вышел в конце 2012 г. в Мюнхене. Трехтомник этот называется «Европейские места памяти». Причем инициаторами этого проекта были четыре ученых немца, к которым позже присоединились еще трое исследователей: голландец, швейцарец и австриец.

В. Н. Земцов: И ни одного француза?

Н. Н. Баранов: Ни одного. Притом, что П. Нора они кланяются низко. Однако Нора-то ведь говорил и говорит, что история убивает память...

В. Н. Земцов: Он много чего говорил...

Н. Н. Баранов: Они же решили «места памяти» историзировать, для чего в Майнце был организован семинар, собравший почти сто ученых-исследователей из разных стран мира (всего из 15 стран, включая Канаду и Израиль; из России никого не пригласили). Итогом их работы стали 150 статей по европейским «местам памяти», сведенные в три тома.

Но сам посыл какой? Первые два тома по своей структуре совершенно идентичны. Там есть три крупных раздела: первый раздел – «Миф» (причем первый том, как бы постановочный, включающий, например, миф о Европе в литературе и в изобразительном искусстве); второй раздел – это «Общее наследие», и там, совершенно замечательно, наряду с античностью и христианством, есть, например, статья «Иудаизм», которую написал Моша Цимерманн, есть статья «Ислам», написанная Штефаном Корнemannом...

Мне показалась очень интересной эта свособразная энциклопедия, достаточно популярно написанная... И небезынтересно задаться вопросом в этой связи: просто на вскидку, взять второй том и чтобы каждый здесь присутствующий пальцы позагибал и подумал: «А насколько мы с вами европейцы?»

В. А. Ляпин: Если мы загибаем пальцы, мы уже не европейцы, потому что европейцы пальцы разгибают.

Н. Н. Баранов: ... [Среди символов европейскости] во втором томе отмечают: бык (белый, конечно), Геркулес, Эней, Антигона, Марафон... [Далее]: Гимн Европейского союза, Римские договоры 1957 г. (это все мифы). Потом идет «общее наследие», которое начинается с Микеланджело... затем Мона Лиза, потом идет много всего разного и, между прочим, замечательная статья о конных статуях [которые встречаются только на европейском субконтиненте]... Потом идет весь У. Шекспир, затем, и это замечательно, Л. Н. Толстой с «Войной и миром», как общее наследие, потом идет, среди прочего, девятая симфо-

ния Л. Бетховена. потом замечательная статья «Шансон» (но не в русском смысле слова), наконец, ударная четверка статей: отдельная статья «Рим», затем «Виттенберг и Женева» (они объединены в один блок), потом идет статья «Третий Рим» и четвертая статья – какая вы думаете? – Стамбул! Не Константинополь, а Стамбул... А потом университет. кафе и пиццерия – это общее наследие.

Таким образом, на три тома всего три статьи, которые имеют прямое или косвенное (скорее косвенное) отношение к нашей с вами реальности – к России. Это статья «Толстой и «Война и мир»», это «Третий Рим» и еще, в первом томе в разделе «Мифы» (между прочим, с отсылкой к Ш. де Голлю), – «Граница по Уралу».

В. Н. Земцов: Николай Николаевич, по Вашему мнению, это сугубо (или, прежде всего) немецкий взгляд?

Н. Н. Баранов: По моим ощущениям, глубоко уважаемые мною ученые немцы из четырех стран озабочены, прежде всего, тем, что миссия Германии в современном мире не только спасать евро, но и спасать саму европейскую идею, которая едва жива...

К слову, в этом трехтомнике есть еще замечательная картинка (сами тома отличаются только цветом: первый – красный, второй – желтый, третий – синий). Какая? Ну, опять-таки очередное воплощение мифа о похищении Европы, но картинка такая... очень авангардная: Зевс в образе быка, девушка Европа, но почему-то за ее спиной еще Меркурий – бог торговли и знак Евро. [...]

В. Н. Земцов: Между прочим, в таком немножко негативном контексте сейчас предлагается не только Римская империя, но, как ни странно, и эпоха Наполеона. Те же самые французы остаются сторонниками все-таки республиканской формы правления и соответственно символов, свойственных Республике. А у нас, такое впечатление, происходит обратный процесс... Так вот, мне кажется, у нас (в России) продолжают попытки апеллировать прежде всего к имперским символам. Советско-российским того еще, имперского, времени.

[...]

Н. Н. Баранов: Другого опыта у нашей страны просто нет.

В. А. Ляпин: Нет и не было...

[...]

А. А. Постникова: Необходимость сохранить Евросоюз, конечно, требует обращения к прошлым эпохам, в частности – к

эпохе Наполеона I, когда уже был осуществлен подобный опыт «единой Европы». И в этом плане, наверное, интересен сюжет, связанный со сравнением во французских СМИ Н. Саркози и Наполеона... В принципе, уже с самого начала правления Саркози, хотя об этом прямо не заявлял, но пытался убедить французское общество в том, что он своего рода наследник Наполеона... И поначалу это воспринималось французами в положительном плане, они действительно видели в Саркози человека, который возродит идею господства и величия Франции. Подобные сравнения всегда возникали в сознании французов [когда речь шла о сильном лидере], и они всячески пытались своих правителей приравнять к Наполеону. Достоин он этого имени или не достоин? Но с течением времени, особенно в 2012 г., в связи с Ливийской проблемой и началом кризиса, Саркози появляется во французской печати в совершенно ином виде. Его сравнивают уже с Наполеоном III, что, якобы, он не достоин носить имя Наполеона I... В большей степени он теперь «Наполеон малый». Какие параллели проводили между Саркози и Наполеоном III? Указывалось на пропаганду власти, на контроль за СМИ, ориентацию режима прежде всего на предпринимателей и т. п. И, уже после поражения Саркози на выборах, во французской печати появляется очень интересное сравнение, мол, если Саркози – это Наполеон, то его конкурент Ф. Олланд – это Людовик XVIII... Стала звучать мысль, что Саркози нам больше не нужен: если бы он обладал хоть долей таланта Наполеона, то Франции удалось бы «перейти Березину». То есть, вот в такой символической манере французы выразили те проблемы, которые возникли в стране.

Интересно, что немецкая печать отзывалась о политике Саркози более позитивно, [чем собственно французская]. Как ни странно, немцы благопринято восприняли эти сравнения Саркози с Наполеоном и всячески обращались к тому франко-немецкому братству, [которое возникло в 1812 г.], т. к. осознавали, что это единственный вариант выхода Европы из кризиса... В немецкой печати даже появлялись фразы о том, что немцы надеются, что французы «в этот раз нас не подведут, как в Русской компании 1812 г.», потому что в немецкой традиции принято считать, что именно французы и раскололи Великую армию в период отступления.

Наиболее критично [по отношению к Саркози] оказалась настроена английская печать, традиционно с недоверием относящаяся к идее величия Франции. То есть понятно, что подобные аналогии [Саркози – Бонапарт] их раздражали и англичане

критиковали шаги Саркози в этом отношении. Особенно это стало заметным после начала строительства парка, посвященного Наполеону – Наполеон-ленда в начале 2012 г. Тогда в английской печати появляются мысли о том, что если Франция возвращается к воспоминанию об этом неудачном правлении, то значит у нее есть действительно серьезные проблемы. И ностальгически вспоминать о правлении человека, который не смог удержать свое «единое европейское государство», о котором продолжают грезить Париж и Берлин, – это определенная неудача.

[...]

Все это, наверное, показывает, что, с одной стороны, символика власти может восприниматься как формируемое представление, а с другой, – трансформация этих образов происходит [стихийно], под воздействием внешнеполитической ситуации, внутренней политики государства.

В. Н. Земцов: То, что мы все время обряжаемся в одежды прошлого, насколько это удачно? И эти все сравнения, к которым мы прибегаем, они ведь вызывают массу вопросов... Насколько примитивно актуализируют эти образы политики, журналисты? Или это совершенно естественная вещь – апеллировать к тем образам, которые сидят в подсознании людей? Это, наверное, вызывает самый сильный эффект. Но, с другой стороны...

А. А. Постникова: Возможно, это как раз способ формирования национальной идеи?

В. А. Ляпин: Нет, тут как раз противоположно... Я недавно вернулся из Стамбула и что показательно – везде Ататюрк! Причем, это не культ русского образца, это действительно глубокое уважение к этому человеку.

[...]

Н. Н. Баранов: Если позволите, Владимир Александрович, этот человек является и на официальном уровне (и в массовом сознании) олицетворением национальной государственной идеи, а национальной идеи без государства в принципе не бывает, потому что сначала государство с единообразной армией, школой, бюрократией, социальным языком, а потом уже нация. Без Ататюрка не было бы современной Турции...

В. А. Ляпин: Другой пример, наш – вот георгиевская ленточка! Ведь попытались [внедрить] общенациональный символ, но если ее на дворник своего лимузина, стеклышки протирать, навязывают...

Н. Н. Баранов: И еще три года не снимают...

В. А. Ляпин: ...тогда какой это, к черту, символ? Кто-то на лимузине, а кто-то на лацкане потертого пиджака. Вот вам и символ национальный...

[...]

В. Н. Земцов: Действительно, символы, которые пытаются сегодня создать (та же георгиевская лента), вроде бы все правильно делают, но вот почему-то сердце не принимает, душа не лежит, потому что – это что-то не настоящее, что-то вымученное. И потом, эта символика связана с «тем временем»... Можем ли мы и дальше продолжать жить, оглядываясь назад? Мы должны жить, наверное, каким-то другим временем...

В. А. Ляпин: Памятью надо жить, а не временем. Идти вперед с головой, повернутой назад, нельзя...

В. Н. Земцов: Память – это тоже штука очень своеобразная... Быть заложником памяти тоже не хочется...

[...]

А. А. Орлова: [Я бы хотела поделиться впечатлениями от своей недавней поездки в Британию.] Конечно, в Лондоне ощущаешь себя русским... Я, напрмер, была на футбольном матче Бразилия–Россия (это был товарищеский матч, который проходил на Стенфорд-Бридж), где чувствовалось это единство русских болельщиков, несмотря на то, что многие оказались на трибуне в большей степени бразильской (мы тоже там стояли)... Но это в Лондоне, потому что там ты оказываешься в иностранной среде и потому резко ощущаешь себя русским...

Сейчас болельщики встают [и даже поют] на стадионах, когда играет гимн страны, будь это наша сборная или просто игры между российскими командами. Возможно, они более организованы потому, что представляют собой определенную социальную группу, они себя очень четко идентифицируют. И это, на мой взгляд, пересекается с идеей георгиевской ленточки... [Это такой массовый символ.]

А общество у нас именно массовое... и оно раздроблено на микро-группы, сообщества (типа тех же болельщиков), и изобрести для всего общества единый символ... У болельщиков эти символы очень четкие, правильно? Каждый болельщик четко знает, что это – Зенит, это – Спартак, это – ЦСКА и т. д. Но, возможно, для нашего общества нехарактерен единый символ для всех? Европа ведь сталкивается с тем же самым. Там тоже очень много микро-сообществ, микро-групп, этнических, культурных и каких угодно. Иногда они просто настолько мелкие, что общее найти очень сложно...

Для сегодняшней молодежи (для многих) Великая Отечественная война (воспринятая, большей частью, на основе современной кино- и телепродукции) остается патриотичным, любимым событием нашей истории и памяти...

И мне кажется, что эта проблема – символики власти – как раз состоит в том, что массовое общество не предполагает единой символики. Ну какой для них... для них символ это M&M's, например, какие-нибудь чипсы Lays – это для молодежи символ современности.

В. Н. Земцов: Тогда, может быть, это правильно, что у нас сейчас нет устоявшихся символов?

А. А. Орлова: В Британии тоже общая символика в какой-то степени разламывается. Британия, британский флаг – это сегодня уже в большей степени бренд...

Н. Н. Баранов: И в первую, извините, на исподнем.

В. Н. Земцов: Для европейца это нормально.

[...]

А. Г. Мосин: Нам надо не столько о символах, наверное, думать, сколько о том, как привести в нормальное соответствие отношения общества и государства... На Западе государство существует для человека, а не человек – для государства.

В. А. Ляпин: У нас человек для государства.

А. А. Орлова: Это, возможно, потому, что они сами строили свое государство, т. е., мне кажется, что каждый европеец ощущает свой вклад в это строительство, даже если это как бы...

А. Г. Мосин: «Государство – это мы!»

А. А. Орлова: Да, ощущает свою сопричастность. В то время, как у нас – «кто-то там построил», «что-то где-то сделали», там в Москве, а мы на периферии, на окраине, и получаем, что мы и не чувствуем себя ответственными ни за что...

В. А. Ляпин: Совершенно верно. Свобода всегда подразумевает ответственность. Ответственность за свои поступки...

В. Н. Земцов: Ну что ж, разговор состоялся весьма интересный. Мы ведь начали с символов, а в конечном итоге вышли на проблемы, во-первых, сохранения памяти и, в общем-то (не знаю, согласитесь, коллеги, или не согласитесь), память – такая вещь, что она в первоначальном виде сохраняться не может, она сохраняется в совершенно разных вариациях, и то, что сегодня память о войне сохраняется в нашем обществе столь причудливо, столь неожиданно, это, по-моему, здорово. Здорово почему? Потому что память все равно сохраняется: она в

прежнем варианте, конечно, сохраниться не может... жизнь вносит очень серьезные коррективы.

В. А. Ляпин: Кстати, а почему память о войне так упорно государством насаждается? Потому что...

В. Н. Земцов: ...да понятно, почему.

В. А. Ляпин: Очень простой ответ: память о войне – это единственное, что объединяет наше общество...

В. Н. Земцов: Не только поэтому...

Вторая проблема, на которую мы сегодня вышли – проблема все-таки национальной идентичности, идентификации (через символы или через что-то другое). Вообще-то картинка получилась размытая. А по большому счету, если вдуматься, ну и что, что у нас проблема с символами? Ну и что, что у нас проблема все еще с идентичностью? Может как раз это и к лучшему...

Не знаю, после нашего разговора у меня, несмотря на определенный изначальный пессимизм, осталось все-таки какое-то светлое ощущение. Светлое ощущение от понимания того, что это в общем-то не тупик, это реальная жизнь... Мы просто констатировали то, что реально происходит. Может быть, и дальше будет происходить. Несколько даже посмеялись над европейцами, которые судорожно пытаются эти свои «места памяти» сконструировать...

Н. Н. Баранов: ...сконструировать-то, на пустом месте, на самом деле.

М. В. Шистеров: Мне представляется, что проблема с идентичностью сейчас не только у нас, но и в Европе. И эта проблема очень серьезная, потому что, мне кажется, она еще даже не вполне самими европейцами осознана. Потому что...

А. А. Орлова: Да нет, почему? Мне кажется, они работают в этом направлении...

В. Н. Земцов: Вообще, мне страшны народы и страшны люди, которые уже этот процесс завершили. Они считают, что знают, кто они такие. Я имею в виду фундаментальных исламитов и китайцев. Вот это страшно!

Н. Н. Баранов: Извините, Владимир Николаевич, но мы живем в таком гигантском оформленном пространстве, что иной идентичности, кроме имперской, у нас быть не может...

В. А. Ляпин: Совершенно верно.

Н. Н. Баранов: ...и между идентичностью родовой (по принципу: «Я знаю своих предков до такого-то колена») и идентичностью имперской, нет другой больше никакой... Да и в имперской истории у нас очень немного таких «прорывных»

сюжетов, которые подкрепляли бы эту идентичность, и победа в войне – это наверно самый великий, самый важный...

[...]

В. Н. Земцов: У нас несколько идентичностей, в каждом из нас несколько...

[...]

А. Г. Мосин: А в Китае есть какие-то символы, которые объединяют всю нацию?

С. В. Смирнов: Конечно, это общегосударственные символы, связанные с их сравнительно недавним прошлым, т. е. это символика революции и Китайской Народной Республики.

А. Г. Мосин: А пятитысячелетняя культура?

С. В. Смирнов: Пятитысячелетняя культура присутствует...

В. А. Ляпин: Я думаю, что в конкретной жизненной ситуации любой китаец поступит так, как учил Конфуций.

С. В. Смирнов: Вот ради Бога, давайте не будем трогать Конфуция, потому что я сейчас начну рассуждать об ориентализме, о том, что с этим символом сделала Европа и насколько вообще конфуцианство в самом Китае считается конфуцианством как неким единым учением, и насколько все китайцы конфуцианцы. Нет, мы же конкретно говорим о символике власти. Символика власти в современном Китае никакого отношения к конфуцианству не имеет... То, что заявляет коммунистическая партия Китая на сегодняшний день – конфуцианство как составная часть культуры и цивилизации. Культуры и цивилизации, а не политики. А вся политическая сфера обозначена в нормальных четырех символах, которые неизменны: социалистический путь развития, диктатура пролетариата, приоритет коммунистической партии и марксизм, маоизм, легизм...

Те, кто не согласны признавать эту единую символику, кто считает, что ее нужно изменить, чаще всего оказываются за пределами Китая...

В. А. Ляпин: Вот там (за пределами Китая) и притворяй свои идеи в жизнь, а в Китае не надо.

С. В. Смирнов: Ну, примерно так об этом в Китае и говорят. Но самое интересное, что китайцы-эмигранты все равно остаются китайцами и время от времени в Китай возвращаются (иногда уже навсегда). Яркий пример – Ду Имин, один из крупнейших конфуцианцев современной эпохи. Еще лет двадцать назад он активнейшим образом критиковал Китай и все его попытки возродить конфуцианство. «Ничего тут у вас не получится, конфуцианство выхолощенное, все это идет в угоду комму-

нистической партии, которая пытается укреплять свои позиции», в таком роде. Прошло немного времени, буквально лет пять назад, наверное, он возвращается в Китай, при этом будучи титулованным человеком (он в США, в Гарварде, возглавлял институт), один из крупнейших китаеведов, а сейчас он стал ведущим советником штаб-квартиры Института Конфуция в Китае. И совсем по-другому уже представляет свою позицию: конфуцианство это стержень того миропорядка, который может быть создан на пространстве постзападном, когда Запад утратит свои позиции.

В. А. Ляпин: Наверное, в этом и заключается удивительная стабильность (вечность!) китайской цивилизации – ведь, собственно, единственная из древних империй, которая жива до сих пор; все погибли, ни одной не осталось, только Китай. Непрерывная история с тех самых лет...

В. Н. Земцов: Но все же Китай другой уже стал, и он множество раз менялся.

В. А. Ляпин: Нет, Владимир Николаевич, я к тому, что в каждом китайце сидит то, что все приходящее, а Китай вечен, Поднебесная вечна. Это в каждом китайце сидит. Я не думаю, что в русском человеке что-то подобное есть...

В. Н. Земцов: В общем, друзья мои, я снова воспроизвожу мысль, которую уже говорил: может это и хорошо, что в нашем обществе пока нет каких-то жестко заданных символов. Есть возможность, есть надежда... постепенного формирования того, что мы называем гражданским обществом. Не знаю, мне кажется, что все-таки перемены за последние – сколько уже? – двадцать лет произошли и перемены очень значительные. Иногда мы не замечаем этого. Нам, конечно, казалось тогда, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что все будет гораздо быстрее, гораздо радостнее. Ну, это была наивность, конечно, и тем не менее, перемены есть. Постепенно мы начали иначе одеваться, иначе говорить, иначе мыслить, даже когда мы бьем себя в грудь и говорим, что мы из советского прошлого, на самом деле, мы уже другие. Вот за эти двадцать лет произошли перемены очень значительные. И хочется надеяться, что они будут происходить и дальше, несмотря на все попытки реанимировать то, из чего мы вышли, возродить то, от чего мы, я надеюсь, откалались. Мы изменимся, не завтра, так послезавтра...

А. М. Кручинин: Вы все знаете, что на нашем главном проспекте напротив Музея камнерезного искусства стоит памятник Екатеринбургскому пехотному полку. Памятник сей был поставлен в 2007 г., прежде всего, благодаря усилиям и

энергии многим известного [архитектора и дизайнера] А. Новикова. Памятник был украшен символами российского государства – двуглавый орел со всеми своими коронами и прочими символами. Прошло буквально несколько месяцев и вот все эти символы, короны, оказались отломанными любителями цветных металлов (еще была сорвана передняя доска с памятной надписью). После долгих трудов и обращений – Новиков даже в канцелярию президента писал по этому поводу! – все-таки памятную доску с надписью восстановили, а символы государственности восстанавливать не стали. Обезображенный памятник так и стоит по сей день... То есть это говорит о чем? Что нет у нас символов государственности...

А. А. Орлова: Уважения нет...

А. М. Кручинин: ... в нашем сознании нет, но Бог с ним, памятник-то ведь стоит.